

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА
Исторический факультет

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД
В ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ЕВРОПЫ

К 70-ЛЕТИЮ
ВАЛЕНТИНА ЛАВРЕНТЬЕВИЧА ЯНИНА

Москва
«РУССКИЕ СЛОВАРИ»
1999

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ НОВГОРОДСКОГО ВЛАДЫЧНОГО ЛЕТОПИСАНИЯ XII-XIV вв.*

Прежде чем обратиться непосредственно к теме данной статьи, рассмотрим два конкретных примера, достаточно типичных, как кажется, для текстологии Новгородской первой летописи (НПЛ).

Вниманию исследователей этого памятника давно останавливало на себе несколько неожиданное упоминание «поганых» в комментарии к событиям 1230 г.: «и за то богъ на нас поганяя навѣдѣ, и землю нашу пуну положиша». Речь идет явно не о событиях этого года, трагического для Новгорода из-за страшного голода, но прошедшего без особых внешних потрясений. Едва ли летопись имеет в виду и набеги литвы и еми, имевшие место в предшествующие годы: они носили характер кратковременных инцидентов и неизменно заканчивались выдворением врага с Новгородской территории. Проблематичной кажется и возможность отнесения этих слов к первому столкновению с монголо-татарами в 1223 г.: поражение русских войск на Калке (описанное в НПЛ под 6732 (1224) г.) не имело тех опустошительных последствий, о которых говорит летописец, — тогда татары так и не решились вторгнуться в пределы Руси.

Неудивительно поэтому, что исследователи, комментирующие данный пассаж, как правило, видят в нем отсылку к событиям 1237 г., сделанную позднейшим редактором уже после монголо-татарского нашествия на Русь¹. В таком случае — перед нами прямое свидетельство составления в Новгороде в середине XIII в. очередного свода владычного летописания. Предполагается даже, что именно для этого свода было написано знаменитое Предисловие к «Временнику», помещенное в начале младшего извода НПЛ. Отметив в Предисловии близкие параллели со статьей 1230 г., один из исследователей замечает: «Едва ли не та же рука обрабатывала и материал о татарском нашествии на Русь» (Кузьмин 1977, 101; ср. сходную точку зрения: Петрухин 1998, 354-355).

* Работа выполнена в рамках проекта INTAS/РФФИ 95-368.

¹ См., например: «Выделенные слова (речь идет о рассматриваемой фразе — А.Г.), очевидно, являются вставкой позднейшего летописца: они явно разрывают связное повествование; кроме этого эмоциональность как предыдущего рассказа о беспорядках, так и последующего — о голоде выдает в их авторе свидетеля описываемых событий, замечания же о нашествии «поганых» (монголо-татар), без сомнения, относятся ко времени после 1237 г.» (Лаушкин 1998, с. 36).

Сразу заметим, что предложение вернуться к старой трактовке Предисловия к «Временнику» как новгородского текста XIII в. не кажется перспективным. Аргументация А.А.Шахматова, доказывающая факт создания этого текста в Киеве в конце XI в., остается в силе, и пересматривать эту датировку нет, на наш взгляд, никаких оснований. Сейчас, однако, для нас важнее другое: действительно ли рассматриваемая фраза о поганых под 1230 г. свидетельствует о редактировании владычной новгородской летописи в середине XIII в.?

Присмотримся внимательнее к композиции статьи 1230 г., точнее, ее первой части (статья эта в НПЛ — одна из самых обширных и значительных по своим литературным достоинствам). Она начинается с сообщения о землетрясении и солнечном затмении, толкуемых летописцем как знамения грядущих бед («То же братъе, не на добро, на зло, грѣхъ дѣля нашихъ богъ намъ знаменія кажетъ, да быхомъ ся покаяли от грѣхъ нашихъ. Колику богъ наведе на ны смерть тои весны, да то мы видяще, не разумѣхомъ своея погыбели, нъ скорѣиши быхомъ на зло»). После текущих известий о приезде в Новгород новопоставленного архиепископа Спиридона и постриге княжича Ростислава, летописец подробно описывает распрю между посадником Водовиком и боярином Степаном Твердиславичем, в ходе которой часть сторонников последнего была перебита, другие бежали в Тверь к князю Ярославу, третьи попрятались в Новгород, но были найдены и, после крестного целования (роты), отпущены («поидоша съ вѣча и много дворовъ розграбиша, а Волоса Блуткиница на вѣчи убиша; рече посадник: ты еси мои дворъ хотелъ зажечи, а Прокшинъ дворъ зажгоша, а Якимъ бежа къ Ярославу, а инии схорониша ся, нъ и тѣхъ уротивше пустиша»); однако позже один из них — Иванко Тимошкинич — был казнен по приказу Водовика («а Иванка после имъше уби Водовикъ ввѣргошь въ Волхово» (НПЛ, 69)). Этот акт вероломства (в буквальном смысле — как нарушение роты, «веры», т.е., в христианскую эпоху, крестного целования) и вызывает гневный комментарий летописца: «То же богъ видя наша безаконія и братоненавидение и непокорение другъ къ другу и зависть и крестомъ вѣрящесе въ лжю, его же ангели не могутъ зрѣти и многоочити крылы закрываються, того же мы въ рукахъ держаше сквѣрныи усты цѣлуемъ; и за то богъ на нас поганяя навѣдѣ и землю нашу пуну положиша, а иное сами не блюдуче без милости истеряхомъ свою власть и тако бысть пунта». Расплата и на этот раз не заставляет себя ждать: в день Крестовоздвижения (!) мороз истребляет урожай, что становится причиной страшного голода («и тако ны господь богъ възда по дѣломъ нашимъ: изби мразъ на Въздвигение честваго хреста обилье по волости нашей, и оттолѣ горе устави ся велико»).

Выстраивается, таким образом, следующий ряд событий и комментариев: небесное знамение — (его истолкование) — конфликт, в ходе которого совершается нарушение крестного целования, — (сокрушения по этому уповоду летописца с упоминанием нашествия поганых как Божьей кары

за ложные клятвы) — возмездие в виде уничтоженного на Крестовоздвижение урожая и вызванного этим голода.

Эта последовательность обнаруживает явное структурное сходство с той, которую представляет в статьях 1065-1068 гг. Повесть временных лет. И здесь все начинается со знамения, явления «кровой звезды», получающего соответствующее толкование: «се же проявляше не на добро, по семь бо быша усобицѣ многы и нашествие поганыхъ на Русьскую землю, си бо звѣзда бѣ акы кровава, проявляюши крови пролитье». Затем, через год (1066), наступает и сама усобица: поднявший рать Всеслав занимает Новгород; на него ополчаются трое Ярославичей, и в битве на Немиге Всеслав терпит поражение. Ярославичи, в нарушение крестного цѣлования, арестовывают Всеслава и заточают в Киеве («мѣсяца иуля въ 10 день, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, цѣловаше крестъ честныи къ Всеславу, рекше ему: «Приди к намъ, яко не створимъ ти зла». Он же, надѣваясь цѣлованью креста, переѣха в лодыи чересь Днѣпръ. Изяславу же в шатеръ предъидушю, и тако яша Всеслава на Рши у Смолинська, преступивше крестъ. Изяславъ же приведъ Всеслава Киеву, всади и в порубъ съ двѣма сынома»). Этим заканчивается статья 1067 г., а в следующем 1068 г. на Русь приходят половцы. В столкновении с ними Ярославичи терпят поражение, в чем летописец видит Божье возмездие за их клятвopреступление («грѣхъ же ради нашихъ пусти Богъ на ны поганые, и побѣгоша русьскыи князи, и побѣдиша половцы»). Следующий далее текст, известный как «Слово о казняхъ Божиихъ», развивает идею Божьего гнева, подкрепляя ее многочисленными цитатами из Писания. Затем летописец вновь возвращается к событиям 1068 г.: изгнанию Изяслава из Киева и освобождению киевлянами Всеслава. Последнее событие, происшедшее 15 сентября, на Крестовоздвижение (!), летописец связывает, как и нашествие половцев, с клятвopреступлением Изяслава: «Се же Богъ яви силу крестную: понеже Изяславъ цѣловавъ крестъ и я и; тѣмже наведе Богъ поганяя. Сего же явѣ избави крестъ честныи. В день бо Въздвигения Всеслава, вздохнувъ, рече: «О кресте честныи! Понеже к тобѣ вѣровахъ, избави мя от рва сего». Богъ же показа силу крестную на показанье землѣ русьстѣи, да не преступаютъ честваго креста, цѣловаше его».

Композиционный параллелизм, связывающий это повествование ПВЛ со статьей 1230 г. НПЛ, глубоко не случаен. Автор последней нам известен — им был Тимофей пономарь, именно в этом году упомянувший о себе во владычной летописи. Авторство Тимофея теперь довольно надежно установлено для большинства статей НПЛ с конца 1220-х по начало 1270-х гг. (1226-1274) (см.: Гиппиус 1997, с. 9-10). Отличительной особенностью нетрадиционной для Новгорода литературной манеры этого летописца была ориентация на Начальную летопись, проявляющаяся как на уровне стиля, так и в прямых текстуальных заимствованиях. Примечательно, что в обоих случаях используется текст статьи 6576(1068) г. Обширное извлечение из «Слова о казняхъ Божиихъ» Тимофей поместил в конце своего описания татарского нашествия в статье 1238 г., а похвалу

кресту, продолжающую в ПВЛ эпизод с чудесным освобождением Всеслава, воспроизвел под 1268 г. в рассказе о Раковорской битве (см.: Клосс и Лурье 1976, 82).

Теперь мы можем утверждать, что тот же фрагмент Начальной летописи был использован Тимофеем и в начале его летописи, как модель для рассказа о новгородских событиях 1230 г. В таком случае получает объяснение и фраза о нашествии поганых: она не является редакторской вставкой, но принадлежит исходному тексту статьи 1230 г., композиционно занимая в ней то же место, какое в рассказе Начальной летописи 1065-1068 гг. занимает сообщение о нашествии половцев и комментарий к нему в «Слове о князьях Божьих». Рассуждения летописца в статье 1230 г. носят общий характер и имеют в виду вовсе не монголо-татар, но поганых «вообще» как одну из «казней божьих», посланных в мир за людские грехи. Примечательно, что и в ПВЛ под 1068 г., и в НПЛ под 1230 г. нашествие поганых как Божья кара сопоставляется с другим злом — усобицами, к происхождению которых Господь отношения не имеет.

ПВЛ, 1068 г.

Наводить бо богъ по гнѣву своему
иноплемьники на землю /.../,

усобная же рать бываетъ от со-
блажненья дьявола

НПЛ, 1230 г.

и за то богъ на нас поганя
навѣдѣ и землю нашу пугу по-
ложиша,

а иное сами не блюдуче без
милости истеряхомъ свою
власть, и тако бысть пуга²

Итак, фраза о поганых под 1230 г. композиционно восходит к той же статье 1068 г. ПВЛ, которую Тимофей пономарь использовал затем в статьях 1238 и 1276 гг. Она не является редакторской вставкой, но принадлежит первоначальному тексту владычной летописи и свидетельствует не о составлении нового летописного свода в середине XIII в., а лишь о постоянстве идеологических и литературных пристрастий летописца³.

² Для правильного понимания последней фразы принципиально важно слово *иное*, выступающее здесь в особом, не зафиксированном историческими словарями русского языка наречном значении «иной раз» (ср. аналогичные формы *первое*, *второе*, *последнее* и т. п.). Речь идет, таким образом, не о конкретных событиях, а о разных типах исторических ситуаций.

³ В пользу такой трактовки свидетельствует и сделанный в самое последнее время вывод о времени написания первой части Синодального списка НПЛ, в которой читается статья 1230 г. Текстологические и орфографические данные позволяют утверждать, что эта часть рукописи в свое время заканчивалась статьей 1234 г. и представляла собой список с владычной летописи, сделанный около этого времени, т. е. еще до того, как в самой владычной летописи появилась статья 1238 г. с описанием Батыева нашествия (см.: Гимон и Гиппиус, 1999).

Еще один яркий (и важный в историческом отношении) пример «мнимой» редактуры демонстрирует полемика вокруг знаменитого описания Невской битвы в статье 6748(1240) г. Как известно, в младшем изводе НПЛ в этой статье имеется обширная выдержка из Жития Александра Невского. Описание же битвы в Синодальном списке до последнего времени рассматривалось исследователями как подлинное свидетельство современника, опирающееся лишь на устные рассказы участников битвы. Единодушие в этом вопросе было нарушено недавно выступлением Дж. Линда (1991), доказывающего, что влияние Жития сказывается и в тексте Синодального списка, текст которого, следовательно, не может рассматриваться в качестве аутентичного исторического источника. Датский исследователь ссылается при этом на некоторые фактические несообразности летописного рассказа, которые, по его мнению, могли возникнуть лишь под пером позднейшего редактора. По мысли ученого, редактура, распространившая первоначальный рассказ владычной летописи выдержками из Жития и таким образом превратившая второстепенный инцидент 1240 г. в событие национального значения, была произведена около 1330 г. (в таком случае ее следовало бы связать с составлением «свода 1330 г.», по А.А. Шахматову — протографа Синодального списка).

Эта гипотеза уже успела получить критический отклик в работах Ю. К. Бегунова (1995, с. 55-56) и Я.С. Лурье (1997, с. 107-108), что избавляет нас от необходимости ее подробного разбора. Хотя не со всем в критике названных авторов можно согласиться⁴, в целом их оценка построения Дж. Линда как текстологически несостоятельного представляется совершенно справедливой. Главным и непреодолимым препятствием к принятию этого построения является отсутствие в наиболее ранней версии Жития в Лаврентьевской летописи как раз тех фрагментов текста младшего извода НПЛ, которые тот разделяет с Синодальным списком и которые Дж. Линд считает в последнем вставками из Жития. Таким образом, получается, что тексты, которые объявляются вставками в летопись из Жития, оказываются вторичными в самом Житии. Традиционный взгляд, согласно которому текст младшего извода НПЛ, отсутствующий в Лаврентьевской летописи, восходит к первоначальному рассказу новгородской владычной летописи, довольно точно переданному Синодальным списком, свободен от этого противоречия и вполне убедительно объясняет соотношение текстов⁵.

⁴ Необходимо, в частности, дистанцироваться от «хронологического» аргумента Ю. К. Бегунова, ошибочно помещающего статью 6740 г. в древнейшую часть Синодального списка, скопированную в XIII в. (Бегунов 1995, 56). В действительности эта статья читается во второй части рукописи, датируемой временем около 1330 г. Эта досадная неточность не меняет, однако, общего баланса доводов, складывающегося очевидно не в пользу Дж. Линда.

⁵ Не кажутся убедительными и конкретные аргументы, приводимые Дж. Линдом в доказательство сводного происхождения рассказа Синодального списка. Сразу три проявления его компилятивности ученый усматривает в начальной фразе: «Придоша

Ситуация, которую мы наблюдали в обоих рассмотренных случаях, — текст, объявляемый следом позднейшей редактуры, в действительности отражает исходный вид владычной новгородской летописи, — очень характерна для НПЛ и вместе с тем представляет определенный методологический интерес.

В общем виде, своеобразие того или иного летописного памятника определяется соотношением в истории его текста двух начал: постепенного накопления погодных записей, относительно синхронных описываемым событиям, и единовременной работы позднейших сводчиков, соединяющих отдельные ряды таких записей между собой и с текстами иного происхождения (ср.: Алешковский 1976, 134). Первое может быть названо анналистическим (по сходству с западноевропейскими анналами, в которых данное начало выступает в наиболее «чистом» виде)⁶, второе — компилятивным. Анналистическое начало создает саму форму годовой статьи, определяющую жанровую специфику летописи, компилятивное — придает летописям тот вид, в котором они дошли до нас — как памятники сложного состава, во всех отношениях (текстологическом, литературном, языковом и др.) многослойные и гетерогенные. Эта гетерогенность выводит на первый план задачу реконструкции генеалогических отношений между сводами, отразившимися в анализируемом памятнике. Принципы такой реконструкции, разработанные в трудах А.А.Шахматова и его последователей, являются на сегодняшний день методологическим *credo* отечественного летописеведения.

свѣи в силѣ велицѣ, и Мурмане, и Сумь, и ѣмь в кораблехъ множество много зѣло; Свѣи съ княземъ и съ бискупы своими». Свидетельствами компиляции исследователь считает здесь: 1) двукратное упоминание шведов, отражающее контаминацию двух источников; 2) гиперболизированную характеристику военной мощи похода, нехарактерную для «сухого» стиля новгородского летописания и выдающую использование агиографического источника; 3) упоминание среди участников похода норвежцев, противоречащее исторической ситуации 1240-х гг. На это необходимо возразить, что: 1) общее построение фразы абсолютно органично и отражает характерную для древнерусских текстов манеру изложения, выдвигающую на первый план главную часть сообщения, а затем — «уточнения» к ней (см.: Зализняк 1995, с. 172; в данном случае сначала перечислены все участники похода, затем подробнее сказано о главном — шведах); 2) характеристика стиля новгородского летописания как «делового» совершенно неприложима к статьям 1230-х — 1260-х гг. (автором которых был, по видимому, все тот же Тимофей пономарь), составляющим наиболее «литературную» часть НПЛ и изобилующим книжными элементами разных уровней; на этом фоне указанный «агиографический» штамп смотрится вполне естественно; 3) ожидать от владычного летописца XIII в., знавшего о событиях понаслышке, абсолютной точности в их изложении едва ли следует (ср. характерную ссылку на противоречивые устные источники: «а инии творяху, яко и пискуть убьньть ту же...»).

⁶ Это сходство, заметим, упорно игнорируется научной традицией, рассматривающей древнерусскую литературу почти исключительно в византийской перспективе и потому считающей летописание чисто русским явлением (см.: Гиппиус 1997б).

Такой подход, при всех его неоспоримых достоинствах, имеет и свою оборотную сторону. Взгляд на летописание как процесс по преимуществу компилятивный, состоящий в периодическом обновлении и редактировании летописных сводов, влечет за собой недооценку роли погодного записывания событий в становлении дошедших до нас летописных памятников.

Такое традиционное для русской науки пренебрежение собственно погодным летописанием во многом предопределено степенью сохранности самих летописных источников, а именно тем, что все древние летописи дошли до нас в позднейших списках и компиляциях. Именно это имел в виду Шахматов, говоря, что «историко-литературным явлением в настоящем полном смысле можно признать только летописный свод, летописный рассказ о прошедших временах, а никак не погодные записи летописцев» (Шахматов 1908, 187). Есть, однако, большая разница между утверждением самого Шахматова, что дошедшие до нас летописи представляют собой в действительности летописные своды, и часто встречающимся, например, у Д.С.Лихачева, общим утверждением: «летопись — это свод» (см.: Лихачев 1950, с. 41, 43, 49). Последнее предполагает, что компилятивное начало заложено в самой природе летописного жанра, который в этом отношении принципиально не отличается от хронографического: «Таковыми же сводами, как и летопись, являются и хронографы» (там же, 39). Каждый летописец, по Д.С.Лихачеву, это в первую очередь составитель «своего летописного свода»; лишь в последней части своего труда он выступает как автор оригинальных записей. Впрочем, и эта работа понимается Д.С.Лихачевым не как постепенное пополнение летописи новыми записями, синхронными описываемым событиям, но как ретроспективное составление записей за весь период, отделяющий момент окончания предыдущего свода от времени работы данного летописца («закончив свою работу «сводчика», летописец дополнял этот материал собственными записями о событиях последних лет»). Таким образом, погодное летописание предстает в рамках данной концепции не как самостоятельный вид историографии, но как некое дополнение к компилятивной работе сводчиков, временная форма перехода «от свода к своду».

В формировании такого представления решающим образом сказался характер памятников, с изучением которых было связано становление шахматовского метода. Это были, с одной стороны, Повесть временных лет и ее гипотетические предшественники, а с другой, — общерусские летописные своды XIV-XVI вв. Компилятивный характер и тех и других, действительно, не вызывает сомнений. Местные же летописные традиции XII-XIII вв. интересовали Шахматова в значительно меньшей степени, причем не столько сами по себе, сколько в связи с общей задачей реконструкции истории русского летописания с древнейших времен до конца XVI в. Между тем именно в этих местных традициях эпохи раздробленности анналистическое начало выступает наиболее отчетливо. Летописа-

ние древнего Новгорода представляет в данном отношении едва ли не самый показательный пример.

Как известно, новгородское летописание было владычным. Этот тезис, впервые выдвинутый М.П.Погодиным (1852), был впоследствии развит и доказан А.А. Шахматовым. В настоящее время общепризнано, что основу текста НПЛ после 1115 г. (которым заканчиваются выдержки из Начальной летописи) образуют погодные записи, составлявшиеся на протяжении трех столетий летописцами, работавшими при новгородской кафедре.

По Шахматову, «летопись новгородская велась при Софийском владычном дворе непрерывно и время от времени подвергалась литературным обработкам» (Шахматов 1938, 156). С этими «литературными обработками», т.е. с составлением летописных сводов, естественно связывать появление во владычной летописи материалов, возводимых к другим источникам, а также сокращения, амплификации, вставки и прочие проявления редакторского вторжения в первоначальный текст погодных записей. Очевидно, что степень сохранности последнего в дошедших до нас списках НПЛ напрямую зависит от числа промежуточных звеньев — «литературных обработок» и просто списков, — отделяющих нас от оригинала владычной летописи.

Представления самого Шахматова о количестве таких промежуточных звеньев претерпели весьма характерную эволюцию. Предположив в 1897 г. существование трех новгородских сводов XIII в., ученый в дальнейшем отказался от этой схемы и признал отсутствие летописных сводов главным отличием новгородского летописания от южнорусского: «И на Южной Руси велись летописи, вероятно, однородные по характеру своему с новгородской владычной летописью, но летописи эти подвергались литературной обработке, образовывали летописные своды, что вносило сильное оживление в летописание. В Новгороде, по-видимому, не хватало литературных сил для подобной компилятивной по существу своему, но тем не менее в значительной степени и творческой работы» (там же, с. 187). Впрочем, это утверждение относилось лишь к XIII в., так как в XII и XIV вв. в Новгороде, по Шахматову, создавались летописные своды. Шахматов реконструирует три таких свода: архиепископский «свод 1167 г.», впервые объединившей владычную летопись с ПВЛ; свод церкви св. Иакова, представлявший собой сокращенную копию «свода 1167 г.», сделанную Германом Воятой в 1169 г. и дополнявшуюся по владычной летописи вплоть до второй половины XIII в.; и, наконец, «свод 1333 г.», основанный на своде церкви св. Иакова, владычной летописи и «Владимирском полихроне» начала XIV в. и отразившийся в Синодальном списке НПЛ.

Очень важно, что из этих трех сводов лишь «свод 1167 г.» определяется Шахматовым как владычный, тогда как другие два выступают как местные ответвления владычной летописи, не связанные с ее переработкой. История же самого владычного летописания с момента создания «свода 1167 г.» и до появления в 1423 г. «Софийского временника» мыслится Шахмато-

вым как чисто анналистический процесс накопления погодных записей. После 1167 г. Шахматов говорит только о владычной летописи, а не о владычных летописных сводах. Таким образом, анналистическое и компилятивное начало оказываются у Шахматова разведены: первое воплощается в непрерывно ведущейся на протяжении нескольких веков софийской владычной летописи, тогда как второе связывается с ее «литературными обработками» — сводом церкви св. Иакова и основанным на нем «сводом 1333 г.» (протографом Синодального списка). Поскольку, однако, по Шахматову, протографом младшего извода НПЛ послужил сам Синодальный список, текст НПЛ за XII — начало XIV в. все равно оказывается компиляцией, так как восходит не к владычной летописи непосредственно, а к ее «литературным обработкам».

Д.С. Лихачев, в отличие от Шахматова, видит в истории новгородского летописания целый ряд последовательно сменявших друг друга владычных летописных сводов. Первый из них — «Софийский временник» 1136 г. — явился, согласно Лихачеву, результатом радикальной переработки более раннего княжеского свода Всеволода. В ходе этой летописной реформы «мономахья» ПВЛ, на которой основывался свод Всеволода, была заменена на «антикняжеский» Начальный свод 1093 г., а записи за время княжения Всеволода подверглись строгой ревизии. «В начале XIII в., после 1204 г., был составлен новый свод архиепископской летописи, привлечший известия киевского летописания. Свод этот заканчивался повестью о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 г. /.../ Имеются и другие следы сводов архиепископского летописания, один из которых присоединил к архиепископской летописи известия рязанского летописания» (Лихачев 1950, 163). Периодическое обновление сводов, в ходе которого предыдущий свод переписывался, редактировался и пополнялся новыми материалами, предстает таким образом как нормальная форма существования владычной летописи.

Разделяемая Д.С.Лихачевым гипотеза о новгородском своде начала XIII в. особенно популярна в литературе ввиду упоминания в предисловии «Софийского временника» «Олексы и Исакия», в которых большинство исследователей видит византийских императоров Алексея и Исаака Ангелов, действующих в Повести о взятии Царьграда, помещенной в обоих изводах НПЛ под 6712(1204) г. О новгородском своде начала XIII в. писали М.П.Погодин (1852), И.П. Сенигов (1885), а в последнее время — В.Л. Янин (1981), Б.М. Клосс (1987) (последний связывает с этим сводом появление в новгородском летописании Начального свода). Согласно гипотезе М.Х. Алешковского (1981), архиепископский свод, включивший Повесть о взятии Царьграда, был составлен в конце 1220-х, в период второго пребывания на кафедре Антония, причем составление его сопровождалось редактированием древнейшей части владычной летописи, сохранившей материалы начального киевского летописания (по Алешковскому — первой, Несторовой редакции ПВЛ). Со сводом Антония Алешковский связывает и появление в Новгородской летописи рассказов о пре-

ступлении Глеба Рязанского (под 1218 г.) и битве на Калке (под 1224 г.), заимствованных (первый полностью, второй — частично) из Владимирской летописи.

Еще один упоминаемый Д. С. Лихачевым архиепископский свод реконструируется на основании гипотезы В. Комаровича об отражении в НПЛ рязанского летописного свода. К этому своду В. Комаровичем были возведены уже упомянутые рассказы о Глебе Рязанском и битве на Калке, а также рассказ о взятии Рязани в статье 1238 г., чем определяется и датировка свода серединой XIII в. (Комарович 1945, с. 74-77).

Все названные гипотезы о владычных летописных сводах XII-XIII вв. призваны объяснить появление в составе НПЛ текстов неновгородского происхождения. Одновременно многочисленные проявления компилятивного начала усматривались и в новгородских известиях НПЛ. Еще до появления работ А. А. Шахматова И. А. Тихомировым было высказано мнение о том, что новгородская владычная летопись изначально имела сводный характер. Софийские летописцы, по Тихомирову, располагали значительным кругом источников, среди которых были различные церковные и монастырские летописцы. Ученый выделял в рассказе владычной летописи следы записей, сделанных в Аркадьевском, Юрьевском и Хутынском монастырях (см.: Тихомиров 1887, 35-37; Тихомиров 1892, с. 150-152).

Продолжателем этого направления выступил И. М. Троицкий, по гипотезе которого в Новгороде в XII-XIV в., параллельно с владычным существовало архимандричье летописание с центром в Юрьеве монастыре. По мысли ученого, между двумя ветвями новгородского летописания происходил постоянный обмен информацией: не только юрьевская летопись использовала владычную, но и владычная «постоянно справлялась с Юрьевской» (Троицкий 1933, с. 360). Предполагается, в частности, что «в конце 30-х или в начале 40-х гг. XIII в. был составлен свод (очевидно, владычный — А. Г.), куда вошли владычная летопись и летопись Юрьева монастыря, уже включавшая в себя ряд монастырских записей. Есть основания полагать, что свод этот заканчивался статьей 1238 г. о втором нашествии татар» (там же, 361). В последнее время данная гипотеза получила развитие в работе В. Водова (1987).

Существование в Новгороде в рассматриваемую эпоху нескольких параллельных летописных традиций предполагал и Е. Ю. Перфецкий. Главный из невладычных источников новгородских известий НПЛ исследователь видел в новгородском княжеском летописании, ведущемся с перерывами в XII-XIII вв. Соединение владычного летописания с княжеским, с привлечением и отдельных церковных летописцев, произошло, согласно Перфецкому, во владычном своде второй четверти XIV в. (Перфецкий 1922, с. 60).

Охарактеризованные выше гипотезы объединяет не только признание ведущей роли владычной кафедры в новгородском летописании эпохи независимости, но и представление о том, что текст владычной летописи

дошел до нас в обоих изводах НПЛ, пройдя предварительно через руки целого ряда сводчиков и копиистов, с многочисленными заимствованиями из других источников и следами позднейшего редактирования.

Этот созданный историографией НПЛ образ многократно отредактированного и переписанного текста владычной летописи нуждается в настоящее время в известной корректировке. Во всяком случае, результаты последнего исследования памятника, предпринятого автором этих строк, рисуют картину новгородского владычного летописания XII-XIV вв. в несколько ином свете.

Прежде всего, представляется сильно завышенной оценка в литературе степени компилятивности текста НПЛ за указанный период. Как ясно из предыдущего изложения, необходимо различать два аспекта этой проблемы. С одной стороны, речь может идти об использовании двумя изводами НПЛ источников, отличных от владычного летописного свода⁷; с другой — о присутствии в самом этом своде текстов, отличных от погодных записей владычных летописцев. Разделявшееся до последнего времени большинством авторов представление, согласно которому одним из главных источников младшего извода НПЛ был сам Синодальный список, затруднял объективное разграничение этих двух аспектов; взгляд на владычную летопись «сквозь» Синодальный список, в котором, несомненно, присутствует слой местных записей, делал невозможным объективное определение состава известий самой владычной летописи.

Вывод о независимой передаче в двух изводах НПЛ текста владычного свода (см.: Гиппиус 1997, 12-19) дает такую возможность. К дополнительным источникам НПЛ в части после 6582 г. (до этого года тексты двух изводов существенно расходятся) могут быть теперь возводимы лишь тексты, читаемые только в старшем или только в младшем изводе. Текст же, общий для двух изводов, практически полностью восходит к владычному своду (об отдельных исключениях из этого правила см. там же, с. 20). Это означает, в частности, что многие тексты, в которых ранее усматривались записи местного характера, слитые с владычной летописью в ее «литературных обработках», в действительности принадлежат самой владычной летописи⁸.

⁷ Здесь и далее, говоря о владычном летописном своде, мы имеем в виду рукопись, в которой на протяжении большей части рассматриваемого периода делали записи владычные летописцы. Тот факт, что свод этот возник, по-видимому, не как владычный, а как княжеский (см. ниже), в данном случае не существен. Соответственно, под владычной летописью понимается весь текст этого свода после 1115 г., включая и записи до начала 1130-х гг., сделанные, скорее всего, еще княжескими летописцами.

⁸ Круг таких текстов весьма ограничен. Для младшего извода он фактически исчерпывается извлечениями из Жития Александра Невского (под 6748, 6750, 6754 и 6759 гг.), Повести о Михаиле Черниговском (под 6753 г.) и Повести о Куликовской битве (под 6888 г.), попавшие в НПЛ, как считается из «Новгородско-Софийского» свода. Местную составляющую Синодального списка образует серия известий за вторую половину XII в., являющихся по происхождению дополнениями в копии владыч-

Рубежом, отделяющим во владычном своде первоначальную компиляцию и ее продолжение в виде погодной новгородской летописи, является 6623(1115) г. По эту статью включительно мы имеем в НПЛ соединение текста Начальной летописи с какими-то летописными материалами новгородского происхождения. Согласно реконструкции, предложенной в работе Гиппиус 1997, это соединение было осуществлено в два этапа, отраженных соответственно Синодальным списком и младшим изводом НПЛ.

На первом этапе Начальная летопись была привлечена в виде Киевского свода 1090-х гг., продолженного записями по 1115 г. Этот текст, использованный до 6524 г. полностью, а далее — в сочетании с местными записями — выборочно, лег в основу свода, составленного в 1115 г. или вскоре после этого. Свод этот, бывший, по всей видимости, княжеским, получил продолжение в виде погодной новгородской летописи.

На втором этапе, в конце 1160-х гг., начальная часть княжеского свода (к этому времени перешедшего в руки владычных летописцев)⁹ была отредактирована и дополнена по списку Начальной летописи (на этот раз — уже Повести временных лет), бывшему, однако, дефектным и обрывавшемуся в статье 6582 г. Есть основания полагать, что эта редакция не затронула остальной части свода, которая даже не была переписана. С кодикологической точки зрения, операция, произведенная сводчиком конца 1160-х гг., видится как замена начальных тетрадей рукописи на новые, содержавшие отредактированный и дополненный текст. Прежнее же начало свода, согласно нашей гипотезе, было использовано для создания на его основе летописного свода Юрьева монастыря — протографа Синодального списка. Последний, таким образом, отражает вид владычного свода до его редактирования в конце 1160-х гг., тогда как младший извод, восходящий непосредственно к владычной летописи, отражает уже результат этого редактирования.

В части после 1115 г. характер текста НПЛ принципиально иной. Анналистическое начало выступает здесь в виде, минимально осложненном компиляцией. Общий текст двух изводов НПЛ с 6624 по 6838 г. передает на основном его протяжении единую последовательность погодных записей, делавшихся на протяжении нескольких столетий летописцами новгородского владычного двора. О том, что процесс этот носил организованный характер и осуществлялся при непосредственном контроле со сторо-

ного свода, послужившей протографом рукописи в части до 6703 г. Очевидно местное происхождение имеют и записи на последних листах рукописи, сделанные, по всей вероятности, в Юрьевом монастыре.

⁹ Д.С. Лихачев связывает этот переход с политическим переворотом 1136 г., однако, судя по языковым и стилистическим данным, смена летописца имела место в 1132 г. и могла быть вызвана первым крупным конфликтом Всеволода с Новгородом (см.: Гиппиус 1997, 41-42). С другой стороны, в отличие от Д.С. Лихачева, я не вижу оснований говорить о переработке в это время начальной части Новгородской летописи.

ны (архи)епископа, свидетельствует устойчивая корреляция между сменной летописцев и сменой новгородских владык, прослеживаемая на основании наблюдений над языком и стилем НПЛ за указанный период¹⁰.

В отличие от И.А. Тихомирова, И.М. Троицкого, Е.Ю. Перфецкого, В. Водова и некоторых других авторов, мне не кажется необходимым предполагать использование владычными летописцами XII-XIV вв. дополнительных новгородских летописных источников. Большинство примеров противоречий и дублировок, приводившихся в доказательство компилятивного характера работы софийских летописцев, могут быть оспорены; другие могут объясняться обстоятельствами ведения самой владычной летописи (см.: Гиппиус 1997, с. 31-33)¹¹. С другой стороны, очевидно, что присутствие во владычной летописи известий о событиях в тех или иных церквях или монастырях само по себе никак не может быть доводом в пользу местного происхождения таких записей, сколь бы подробны они ни были¹².

А priori можно предполагать, что ведение владычной летописи сопровождалось редактированием ее записей за прошлые годы. Степень интенсивности такого редактирования не нужно, однако, преувеличивать. В двух рассмотренных выше случаях мы имели возможность убедиться в аутентичности чтений, в которых усматривалась рука позднейшего редактора, и эта ситуация, как уже говорилось, представляется довольно типичной. Некоторые предположения о редактировании софийской летописи невозможно текстуально ни подтвердить, ни опровергнуть. Так, в частности, обстоит дело с гипотезой Д.С. Лихачева о ревизии составителем «Софийского временника» 1136 г. текста княжеской летописи¹³, а также с

¹⁰ Именно так, на наш взгляд, следует интерпретировать то обстоятельство, что границы, разделяющие отрезки летописи, характеризующиеся относительным языковым и стилистическим единством, в большинстве случаев совпадают с годами обновления новгородской кафедры (см.: Гиппиус 1996).

¹¹ Так, например, дублировки между статьями 6707 и 6709 гг. (сообщения о введении в епископию Митрофана и строительстве крепости в Русе) объясняются сменой летописца на рубеже 6707/6708 в связи со смертью архиепископа Мартирия и заступлением на кафедру Митрофана.

¹² Наиболее показательны в этом отношении известие статьи 1230 г. о смещении и кончине юрьевского игумена Саввы, записанное Тимофеем пономарем, который, как теперь можно утверждать с уверенностью, был владычным летописцем, а не летописцем Юрьева монастыря, как предполагали И.С. Тихомиров и И.М. Троицкий.

¹³ Д.С. Лихачев указывает на два проявления этой ревизии — именование Антония (Римлянина) игуменом в статье 6635(1127) г. (при том, что Антоний был поставлен игуменом только в 1131 г. Нифонтом) и недружественный по отношению к Всеволоду комментарий к сообщению статьи 6740(1132) г. о его уходе в Русь, обвиняющий князя в нарушении ряда с новгородцами (Лихачев 1987, 179-180). Очевидно, однако, что Нифонт в 1131 г. лишь официально подтвердил статус Антония. В глазах современников он и до этого не мог восприниматься иначе как игумен основанного им монастыря. Что же касается комментария в статье 6742 г., то им, если верно наше предположение, начинаются уже записи владычных летописцев.

предположением В.Л. Янина об устранении из летописи имени архиепископа Иоанна («Попьяна») (1110-1130) в период архиепископства Ильи¹⁴. Если соответствующие редактуры и имели место, доказать это текстологически не представляется возможным.

Как кажется, единственным текстологически подтверждаемым случаем целенаправленного редактирования софийскими летописцами записей их предшественников пока остается эпизод с редактированием владычной летописи за период архиепископства Мартирия в 1199 г., после смерти этого новгородского владыки (см: Гиппиус 1997, с. 24-28). Пока другие подобные случаи не выявлены, данный эпизод следует признать скорее отступлением от обычной практики, чем ее отражением. В рассматриваемую эпоху мы не видим в НПЛ свидетельств того, чтобы владычная летопись активно переделывалась в угоду политической конъюнктуре.

Таким образом, в своих новгородских известиях владычная летопись предстает как текстологически весьма однородное образование, состоящее исключительно из записей владычных летописцев, лишь в очень незначительной степени затронутых позднейшим редактированием. Записанными владычными летописцами на основании устных сведений следует, по-видимому, считать и большинство известий, относящихся к Южной и Владимиро-Суздальской Руси и имеющих соответствия в Лаврентьевской, Ипатьевской и других летописях лишь на уровне содержания. Отсутствие прямых текстуальных параллелей делает предположение о наличии у этих сообщений каких-то письменных неновгородских летописных источников текстологически излишним (см.: Алешковский 1981, 108; Лурье 1976, 34).

Заведомо внешнее по отношению к владычной летописи происхождение имеют лишь три текста: Повесть о взятии Царьграда (ПВЦ), помещенная в обоих изводах под 1204(6712) г., рассказ о преступлении Глеба Рязанского (под 1218(6726) г., только в Синодальном списке) и Повесть о битве на Калке под 1224(6732) г.¹⁵ Весьма вероятно также заимствование из неновгородского летописного источника нескольких южнорусских известий в статьях 6711 и 6712 г., имеющих содержательные и текстуальные параллели в летописании Северо-Восточной Руси. Симптоматично, что все эти тексты сосредоточены в пределах совсем небольшого, по сравнению с общей протяженностью владычной летописи, временного проме-

¹⁴ Отсутствие упоминания архиепископа в сообщениях о важнейших строительных предприятиях этого времени, в котором В.Л. Янин (1988, 47) видит результат работы цензора 1160-х гг., объяснимо и без такого предположения: все перечисленные постройки были княжескими, а не епископскими, да и летопись в это время еще не приобрела статус владычной.

¹⁵ Последние два рассказа имеют текстуальные соответствия в Лаврентьевской летописи. ПВЦ, по-видимому, вошла в древнерусскую литературу через НПЛ и, очень возможно, представляет собой новгородское сочинение, однако совершенно ясно, что это было именно отдельное сочинение, включенное в летопись, а не статья, написанная как погодная.

жутка, с 6711 по 6732 г. За пределами этого интервала нет, как кажется, что бы заставляло говорить о сводном характере владычной летописи.

Вопрос о времени и обстоятельствах появления названных текстов во владычной летописи — один из наиболее сложных в текстологии НПЛ и не может быть рассмотрен сейчас сколько-нибудь подробно. Тот факт, что все они читаются в первой части Синодального списка, означает, что включение в летопись произошло достаточно рано, еще в XIII в. (и даже до конца 1230-х гг., если верна наша датировка этой части списка). Заметим также, что более вероятным, чем одновременное появление всех этих текстов во владычном своде, представляется их поэтапное привлечение разными владычными летописцами¹⁶. В таком случае первая четверть XIII в. предстает как период наиболее активного редактирования владычной летописи, с чем может быть связана и известная хронологическая путаница в данной части НПЛ.

Важнее всего, однако, что эту редакторскую активность совсем не обязательно трактовать как составление нового свода (или нескольких сводов) владычного летописания. Ничто не заставляет считать, что включение в летопись Повести о взятии Царьграда или Повести о битве на Калке сопровождалось редактированием и перепиской владычной летописи в целом¹⁷. Ее древнейшая часть, основанная на Начальной летописи, окончательно оформилась уже к концу 1160-х гг., текст же погодной летописи за большую часть XII в. вообще свободен от проявлений компилятивного начала. Работа редакторов конца XII — первой четверти XIII в. скорее всего ограничивалась вставками в заключительную часть летописи; ее более ранние части могли при этом и не затрагиваться, подобно тому, как работа редактора конца 1160-х гг. над начальной частью владычной летописи (до 6583 г.) никак не затронула ее более поздних частей.

Иначе говоря, мы вообще не видим смысла и возможности говорить применительно к Новгороду о владычных летописных сводах. История

¹⁶ В работе Гиппиус 1996 последовательность включения этих текстов во владычную летопись была реконструирована следующим образом. Около 1205 г., в пору сильной политической и церковной зависимости Новгорода от суздальского великого князя Всеволода, летописцем архиепископа Митрофана были использованы несколько известий за 1202-1204 гг. из только что составленного во Владимире летописного свода. После изгнания в 1209 г. Митрофана и избрания на новгородскую кафедру Антония (Добрыни Ядрейковича), незадолго до того вернувшегося из Константинополя, во владычную летопись по инициативе нового архиепископа была включена написанная им ПВЦ. Рассказ об избиении рязанских князей и Повесть о битве на Калке, извлеченные из одного (какого именно — неясно) источника, были включены в летопись после возвращения на кафедру Антония в 1225 г.

¹⁷ Свидетельством такой редактуры традиционно считается уже упоминавшаяся вставка имен Олексы и Исакия в Предисловие к «Временнику». Однако объем этой вставки (не более одной строки рукописи) и ее положение в тексте (последние слова Предисловия), делают этот единственный аргумент крайне зыбким. Летописец, вставивший ПВЦ во владычную летопись, вполне мог дописать эти слова в конце Предисловия; переписывать для этого всю рукопись было совсем не обязательно.

новгородского владычного летописания XII-XIV вв. восстанавливается как история *одного* свода, одной рукописи, созданной около 1115 г. и затем из года в год пополнявшейся новыми записями. Отдельные части этой рукописи могли редактироваться и переписываться, целые тетради — заменяться на новые, в рукопись могли делаться вставки, — но это все равно оставалась та же рукопись, тот же — по выражению М.Д. Приселкова — «официальный экземпляр» новгородской владычной летописи¹⁸. Нет никаких указаний на то, что этот «официальный экземпляр» был хоть раз *полностью* переписан и переработан.

Не видно оснований и для предположения, что «официальный экземпляр» владычной летописи сколько-нибудь активно копировался в XII-XIV в. Пора его тиражирования настала лишь в XV в., когда с владычной летописи, по-видимому, был сделан целый ряд списков, частично отразившихся в младшем изводе НПЛ и летописях Новгородско-Софийской группы. Относительно более ранней эпохи мнение о том, что «владычный свод время от времени переписывался для местных монастырских и церковных летописей» (Алешковский 1980, 111), кажется преувеличением. Источник этого тезиса ясен: им является взгляд на Синодальный список как рукопись, связанную с приходской церковью св. Иакова, позволяющий рассматривать его как один из многих существовавших некогда кончанских и уличанских списков владычной летописи. Между тем, как уже говорилось выше, происхождение протографа Синодального списка есть основания связывать с редактированием начальной части владычной летописи в конце 1160-х гг.; т.е. здесь мы имеем дело не с типичной для своего времени ситуацией копирования владычной летописи, а с уникальным «побочным продуктом» развития ее «официального экземпляра». С другой стороны, связь Синодального списка с Юрьевым монастырем, занимавшим совершенно особое положение в системе новгородских церковных институтов, также не позволяет считать его «одним из многих». Показательно и то, что составитель протографа младшего извода НПЛ располагал во второй четверти XV в., помимо «официального экземпляра», именно Синодальным списком (из которого им были извлечены местные юрьевские приписки под 6845 и 6853 гг.): если бы в то время су-

¹⁸ На это удачный термин М.Д. Приселкова (специально не занимавшегося историей новгородского летописания) мое внимание обратил Т.В. Гимон (см.: Гимон 1997, с. 65). Сходным образом, по-видимому, представлял себе владычную летопись и А.А. Шахматов. Во всяком случае, именно так можно понять его предположение, что, когда в 1423 г. в Москву ко двору митрополита была затребована владычная летопись для составления нового извода общерусского летописного свода, «некоторые древнейшие части архиепископской летописи были отосланы в подлиннике» (Шахматов 1908, с. 380). Однако Шахматов, как уже говорилось, считал владычную летопись после 1167 г. вообще свободной от компилятивного начала, возводя все вычленяемые в НПЛ вставки из других источников к ее местным «литературным обработкам». Я же считаю эти вставки сделанными в самом «официальном экземпляре» владычной летописи.

ществовал целый ряд списков владычной летописи, было бы плохообъяснимо, почему до нас дошла именно эта рукопись.

Вообще, размах и интенсивность летописного процесса в Древнем Новгороде не следует преувеличивать. Текст НПЛ за XII-XIV вв. не дает, на наш взгляд, оснований предполагать ни наличия нескольких самостоятельных параллельных летописных традиций, ни отражения этих традиций в нескольких сводах архиепископского летописания, ни активного копирования этих сводов для нужд отдельных церквей и монастырей. Историю его сложения вполне можно реконструировать, исходя из предположения о наличии в рассматриваемую эпоху всего трех летописных кодексов: «официального экземпляра» владычной летописи, протографа Синодального списка в части до 6703 г. и самого Синодального списка. Предполагать существование каких-либо промежуточных звеньев между этими рукописями нет текстологической необходимости.

Важнейшим аргументом в пользу такой «редуцированной» картины новгородского владычного летописания является крайняя языковая неоднородность Синодального списка НПЛ, и в первую очередь — его древнейшей части, датированной нами временем около 1234 г. Как теперь ясно, писец этой части рукописи довольно точно копировал оригинал, воспроизводя в своем списке языковые (в том числе и графико-орфографические) различия между отдельными его частями. Проводимые на этом основании границы оказываются текстологически и исторически неслучайными, отражая смену владычных летописцев и некоторые другие рубежи в истории текста НПЛ (см.: Гиппиус 1996, с. 13-26). Тот факт, что различия между лингвистическими установками отдельных владычных летописцев прослеживаются в Синодальном списке даже на уровне графики и орфографии (достаточно сказать, что текстологически обусловленным оказывается изменение формы титула!), свидетельствует о близости этого списка к «официальному экземпляру» владычной летописи. Правда, в части до 6703 г. мы все же должны предполагать наличие промежуточного списка; но начиная со статьи 6704 г. Синодальный список следует признать, по-видимому, копией непосредственно с «официального экземпляра». С другой стороны, те же факты позволяют утверждать, что сам «официальный экземпляр» к 1234 г. сохранял в своем составе оригиналы большинства статей: его сплошная переписка в какой-то степени неизбежно нивелировала бы языковые различия между отдельными «авторскими» отрезками владычной летописи.

Заканчивая, заметим, что изложенный выше взгляд на новгородское владычное летописание XII-XIV вв. вполне может показаться нереалистичным с точки зрения господствующего в настоящее время в литературе взгляда на русское летописание как на процесс по преимуществу компилятивный. Однако, как уже говорилось, сам этот подход в значительной мере обусловлен состоянием русских летописных источников, а точнее — отсутствием среди этих источников оригиналов древних летописей. Как следствие этого, мы, довольно полно представляя себе работу составите-

лей летописных сводов, не знаем практически ничего или очень мало о самом процессе летописания, способе ведения погодных записей, их кодикологическом оформлении и т.д.

Эта важнейшая лакуна в наших представлениях о древнерусском летописании может быть до некоторой степени восполнена за счет сопоставлений с западноевропейской анналистикой, сохранившейся несравненно лучше и, в частности, представленной целым рядом «живых летописей», дошедших в оригиналах. Обращение к таким памятникам не только не оставляет сомнений в реальности погодного летописания как типа историографической деятельности, но и позволяет непосредственно наблюдать многое из того, что для русских летописей может быть лишь предметом гипотез и реконструкций: ежегодное (или осуществляемое с иной частотой) наращивание летописи, смену летописцев, дополнение записей за прошлые годы новым материалом и их частичное редактирование, вставки текстов из других источников. Причем, что особенно важно, эта анналистическая (с элементами компиляции) работа может на протяжении десятилетий, а иногда и нескольких столетий, разворачиваться на страницах одной и той же рукописи¹⁹. К рукописям такого типа, очевидно, и принадлежал «официальный экземпляр» новгородской владычной летописи.

ЛИТЕРАТУРА

- Алешковский 1976 — Алешковский М.Х. К типологии текстов «Повести временных лет» // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. М., 1976. С. 133-167.
- Алешковский 1981 — М.Х.Алешковский. Новгородский летописный свод конца 1220-х гг. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 104-111.
- Бегунов 1995 — Ю.К. Бегунов. Русские источники о Невской битве и ее значении. Несколько замечаний по поводу доклада Джона Линда // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 55-58.
- Водов 1986 — W.Vodoff. Quelques remarques sur la premiere chronique de Novgorod. — *Studia slavica mediaevalia et humanistica* Riccardo Picchio dicata / Ed. M. Colucci, G.Dell Agata, H.Goldblatt. Roma, p.741-753.
- Гимон 1998 — Т.В. Гимон. Новгородское владычное летописание: состояние изучения // Материалы межвузовской научной конференции 22-24 апреля 1997. М., 1997. С. 62-67.
- Гимон и Гиппиус 1999 — Т.В. Гимон, А.А. Гиппиус. Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // НИС. Вып.7(17). СПб., 1999, с. 18-48.
- Гиппиус 1996 — А. А. Гиппиус. Лингво-текстологическое исследование Синодального списка Новгородской первой летописи. АКД. М., 1996.
- Гиппиус 1997а — А.А.Гиппиус. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // НИС. Вып.6(16). СПб., 1997, с. 3-72.
- Гиппиус 1997б — А.А. Гиппиус. Древнерусские летописи в зеркале западноевропейской анналистики // Славяне и немцы. Средние века — раннее Новое время. Сборник тезисов 16 конференции памяти В.Д. Королюка. М., 1997. С. 24-27.
- Зализняк 1995 — А.А.Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 1995.

¹⁹ Примерами таких рукописей могут служить ирландские Инисфалленские анналы XI-XIV вв. (Mac Airt 1951) или шотландская летопись аббатства Мелроз (XII-XIII вв.) (Best 1933).

- Клосс и Лурье 1976 — Б.М.Клосс, Я.С.Лурье. Русские летописи XI-XV вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып.2, М., 1976. С. 78-139.
- Клосс 1987 — Б.М.Клосс. Летопись Новгородская первая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 245-247.
- Кузьмин 1977 — А.Г.Кузьмин. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.
- Лаушкин 1998 — Лаушкин А.В. Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI-XIII вв. // Русское средневековье. Книжная культура. 1998. Вып. 1. М., 1998.
- Лихачев 1950 — Д.С.Лихачев. «Повесть временных лет» (Историко-литературный очерк) // Повесть временных лет. Ч.2. Приложения / Под ред. В.П.Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 149-181.
- Лихачев 1986 — Д.С.Лихачев. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // Д.С.Лихачев. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 154-184.
- Лурье 1997 — Я.С. Лурье. История России в летописании и в восприятии нового времени // Я.С. Лурье. Россия древняя и Россия новая. Избранное. СПб., 1997. С. 13-173.
- НПЛ 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А.Н.Насонова. М.; Л., 1950.
- Перфецкий 1922 — Е.Ю.Перфецкий. Русские летописные своды и их взаимоотношения. Братислава, 1922.
- Петрухин 1998 — В. Я. Петрухин. К ранней истории русского летописания: О предисловии к Начальному своду // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. Т. II. М., 1998. С. 354-363.
- Погодин 1857 — М.П.Погодин. Новгородские летописи // Изв. по ОРЯС. 1857. Т.VI. Вып. 3. С. 209-233.
- Приселков 1996 — М.Д.Приселков. История русского летописания XI-XV вв. СПб., 1996.
- Сенигов 1885 — И.П.Сенигов. О древнейшем летописном своде Великого Новгорода. СПб., 1886.
- Тихомиров 1887 — И.С.Тихомиров. О Тимофее пономаре, упоминаемом в Синодальном списке первой Новгородской летописи // ЖМНП. 1887. Март. С. 28-37.
- Тихомиров 1892 — И.С.Тихомиров. Несколько заметок о новгородских летописях // ЖМНП. 1892. Сентябрь. С. 144-152.
- Троцкий 1933 — И.М.Троцкий. Опыт анализа первой Новгородской летописи // Изв. АН СССР. Сер. VII. Отделение общественных наук. Л., 1933. № 5. С. 337-362.
- Шахматов 1897 — А.А.Шахматов. О начальном Киевском летописном своде // ЧОИДР. Кн.3. 1897. С. 1-58.
- Шахматов 1908 — А.А.Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
- Шахматов 1938 — А.А.Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV-XVI вв. М.; Л., 1938.
- Шахматов 1947 — А.А.Шахматов. Киевский Начальный свод 1095 года // А.А.Шахматов. 1864-1920. Сборник статей и материалов. М.; Л., с. 123-127.
- Янин 1981 — В.Л.Янин. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 153-181.
- Янин 1988 — В.Л. Янин. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988.

- Anderson 1933 — The Chronicle of Melrose, ed. A.O. Anderson & M.O. Anderson, London, 1936.
- Lind 1991 — J.H. Lind. Early Russian-Swedish Rivalry. The Battle of the Neva in 1240 and Birger Magnusson Second Crusade to Tavastia // The scandinavian Journal of History. 1991. Vol.16. P.274-276.
- Mac Airt 1951 — The Annals of Inisfallen. Edited with translation and indexes by Sean Mac Airt. Dublin, 1951.